

— Кушать подано, Госпожа, — сказал я. — Пожалуйста к столу.

Она ничего не ответила. Застыла на месте, опираясь о трость. Я подошел, взял ее под руку, подвел к столу и усадил. Она что-то пробормотала. Я спустился на кухню, принес поднос и поставил перед ней. Она взглянула, но к еде не притронулась. Проворчав что-то, она вытянула шею. Тут я вспомнил о салфетке, достал ее и повязал ей.

— Ну, и что ты приготовил сегодня на ужин? — спросила она. — Интересно, что ты на сей раз выдумал?

— Фаршированные баклажаны, — ответил я. — Вы же просили вчера.

— С обеда остались?

Я пододвинул ей тарелку. Она взяла вилку и, ворча, поковыряла баклажаны. Некоторое время рассматривала их, а потом стала есть.

— Госпожа, ешьте салат, — сказал я и вышел.

Тоже взял себе баклажан, сел и начал есть.

Вскоре раздалось:

— Соль! Реджеп, где соль?

Я встал, пошел к ней, поглядел на стол — солонка рядом с ней.

— Вот же ваша соль!

— Только что ее тут не было, — сказала она. — Почему ты выходишь, когда я ем?

Я не ответил.

— Они разве завтра не приедут?

— Приедут, Госпожа, приедут! — сказал я. — Не рассыпьте соль!

— Отстань! Они приедут?

— Завтра днем, — сказал я. — Они же звонили...

— Что у тебя еще есть?

Я унес остатки баклажана, красиво разложил на чистой тарелке фасоль и принес обратно. Она снова стала брезгливо ковыряться в тарелке, и тогда я опять вышел — я тоже обедаю. Через некоторое время она позвала меня — на этот раз нужен был перец, но я сделал вид, что не слышу. Потом она крикнула, чтобы я принес фрукты; я пошел и пододвинул к ней миску с фруктами. Ее костлявая, тонкая рука медленно бродила по персикам, словно усталый паук, потом наконец остановилась.

— Они все порченые! Где ты их нашел, на земле собирал?

— Они не порченые, Госпожа! — ответил я. — А спелые. Это самые лучшие персики. Купил в овощном. Вы же знаете — здесь не осталось персиковых деревьев...

Она, сделав вид, что не услышала меня, выбрала персик. Я вышел из комнаты и уже доедал фасоль, как вдруг раздалось:

— Развяжи! Реджеп, где ты, развяжи мне салфетку!

Я вскочил, побежал к ней и, потянувшись вверх, чтобы развязать ей салфетку, увидел, что она съела половину персиков.

— Дам-ка я вам лучше абрикосов, Госпожа, — сказал я. — А то потом скажете, что проголодались, и опять разбудите меня ночью.

— Спасибо, — сказала она. — Я, слава богу, еще не дошла до того, чтобы есть эту падалицу. Развязывай салфетку!

Я снял с нее салфетку, а когда стал вытирать ей рот, она сморщилась и закатила глаза, будто молилась. Потом встала:

— Отведи меня наверх!

Она оперлась на меня, и мы прошли несколько ступеней, но на девятой все же остановились передохнуть.

— Ты приготовил им комнаты? — спросила она, переводя дыхание.

— Приготовил.

— Ну хорошо, давай дальше, — сказала она и еще сильнее оперлась на меня.

Мы опять стали подниматься, и, когда добрались до последней ступеньки, она, проговорив: «Слава богу, девятнадцатая!» — вошла в свою комнату.

— Зажгите свет! — сказал я. — Я иду в кино.

— Надо же, в кино он идет! — отозвалась она. — Взрослый человек. Смотри, допоздна не задерживайся.

— Не задержусь.

Я спустился на кухню, доел свою фасоль, помыл посуду, снял передник; галстук на мне, пиджак взял, кошелек с собой. Я вышел на улицу.

С моря дует прохладный ветер, такой приятный; он шелестит листьями смоковниц. Я закрыл калитку и зашагал к пляжу: когда забор нашего двора кончился, начались мостовая и стены новых бетонных домов. На балконах в маленьких тесных садиках сидят люди, включили свои телевизоры, смотрят и слушают новости. На решетках мангалов жарится мясо, поднимается ароматный дым. У мангалов стоят женщины. Никто меня не видит. Семьи, жизни. Так интересно... Когда приходит зима, абсолютно все уезжают, и тогда на пустых улицах я слышу звук собственных шагов, и мне становится жутко... Холодно, я надел пиджак, свернул на боковую улицу.

Как странно думать, что все одновременно сидят за ужином и смотрят телевизор! Я бреду по переулкам. В конце одного из них, заканчивавшегося на маленькой площади, остановилась машина, из нее вышел только что приехавший из Стамбула и усталый на вид отец семейства с сумкой в руках и вошел в дом. Он так беспокоился, словно опаздывал на званый ужин с просмотром вечерних теленовостей. Я опять вернулся на набережную и услышал там голос Измаила:

— Национальная лотерея! До розыгрыша шесть дней!

Меня он не видел. А я не подал голоса. Он бродил между столиками — виднелась его голова, то исчезая, то вновь появляясь. Потом его подозвали к столику, он подошел, наклонился и протянул девушке в белом платье с лентой в волосах пачку лотерейных билетов. Девушка с серьезным видом выбирала билет и довольно улыбалась отцу с матерью. Я уже отвернулся и не

смотрю на них. Если бы я крикнул и Измаил увидел бы меня, то, прихрамывая, быстро бы подошел ко мне. Он бы спросил: «Почему ты никогда к нам не заходишь, братец?» Я бы ответил: «Ваш дом далеко, Измаил, да к тому же на холме». — «Да, ты прав, — согласился бы он и добавил: — Когда Доан-бей дал нам деньги, надо было мне покупать землю не на холме, а здесь, у моря! Ах, Реджеп, кабы взял я землю здесь, вместо того чтобы купить там, на холме, потому что ближе к вокзалу, то сегодня был бы миллионером». Да-да, именно так он и сказал бы. А его красивая жена всегда молчит и смотрит. Чего мне к ним ходить? Иногда зимой, по вечерам, когда мне не с кем поговорить, мне хочется к ним, я иду туда, но все время слышу одни и те же разговоры.

Маленькие бары на берегу совершенно пусты. Работают телевизоры. Разносчики чая расставили рядами сотни пустых чайных стаканчиков, и все они, чистые-пречистые, сияют в свете больших ярких лампочек. Разносчики ждут, когда закончатся новости, и тогда толпа заполнит улицы. Под пустыми столами кошки. Иду дальше.

К пирсу с противоположной стороны привязаны шлюпки. На маленьком грязном песчаном пляже никого нет. Засохшие водоросли, выброшенные на берег, бутылки, куски полиэтилена... Говорят, что дом лодочника Ибрагима скоро снесут, и кофейню тоже. Я внезапно разволновался, увидев освещенные окна кофейни. Может быть, найдется кто-нибудь, кто не играет в карты, мы поговорим, он спросит меня, как дела, я расскажу, он выслушает, потом я его спрошу, он бу-

дет рассказывать, а я — слушать. Во время разговора мы оба будем кричать из-за громкого звука телевизора и шума голосов. Это дружба. Может, мы даже в кино вместе пойдем.

Но когда я вошел в кофейню, у меня сразу испортилось настроение, потому что те двое парней снова были там. Ну вот: завидев меня, они оживились, переглянувшись, усмехнулись. Я вас в упор не вижу, смотрю на свои часы, ищу себе собеседника. А, вон слева сидит Невзат, наблюдает за игрой картежников. Я подошел к нему, забрался на стул и уселся. С довольным видом повернулся, улыбнулся ему и сказал:

— Здравствуй. Как дела?

Он ничего не ответил.

Я немного посмотрел телевизор — заканчивались новости. Затем я посмотрел на карты, переходившие от одного игрока к другому, и на Невзата, наблюдавшего за ними, подождал, пока партию доиграют; она закончилась, и все весело заговорили друг с другом. Но не со мной. Затем началась следующая партия, и все опять ушли в нее с головой, а потом игра снова закончилась. Когда карты стали раздавать в очередной раз, я заговорил, потому что решил сказать наконец что-нибудь:

— Невзат, ты утром продал очень хорошее молоко.

Он кивнул, не отрывая глаз от карт.

— А знаешь, жирное молоко полезно.

Он опять кивнул. Я посмотрел на часы: без пяти девять. Затем — на экран телевизора. Должно быть, я задумался, потому что заметил хихиканье парней не сразу. У них в руках была газета, и я подумал: «О гос-

поди, неужели там опять карикатура? Ведь они смотрели то на меня, то в газету и мерзко пересмеивались. Реджеп, не обращай внимания!» Но потом я все-таки решил: «Наверное, там карикатура. Газеты иногда их печатают — они безжалостны. А под ней еще напечатывают фотографии голых женщин и медведей из зоопарка, у которых родились медвежата, и несправедливую, дурацкую статью». Почему-то я повернулся к Невзату и машинально спросил:

— Как дела?

Он на секунду повернулся ко мне, пробормотав что-то, но, так как в голове у меня был только рисунок, я не нашелся что ответить, и возможность начать разговор была упущена. Вдобавок от нечего делать я опять посмотрел в сторону тех двух парней. Мы встретились взглядами, и тогда они делано улыбнулись. Я отвернулся. В игре выпал король. Игроки ругнулись, обрадовались, потом расстроились. Потом началась новая игра, другие карты, другое веселье. Карикатура там, что ли? Внезапно мне пришло в голову попросить:

— Джемиль! Сюда один чай!

Так я нашел то, что позволит мне хотя бы ненадолго забыть о рисунке и отвлечься. Но этого хватило ненадолго, я опять задумался о газете, куда со смехом смотрели парни. Когда я еще раз обернулся, они показали газету Джемилю, и он смотрел туда, на что они указывали. А затем Джемиль заметил, что я с беспокойством смотрю на них, ему стало неудобно, и он внезапно закричал на парней:

— Ах вы, бессовестные!

Итак, стрела выпущена из лука. Теперь я не могу сделать вид, что ничего не происходит. Мне следовало давно встать и уйти отсюда. Парни хохочут.

— Что случилось, Джемиль? — спросил я. — Что там, в газете?

— Ничего! — ответил он. — Всякая ерунда!

Любопытно невыносимо. Я попытался взять себя в руки, но у меня нет сил. Как зачарованный, я слез со стула и медленно пошел к Джемилю мимо при молкших парней.

— Дай-ка мне эту газету!

Он попытался ее спрятать. А потом с виноватым видом произнес:

— Как странно! Разве такое может быть? Зачем это? А затем, повернувшись к парням, добавил:

— Бессовестные! — И наконец, слава богу, протянул мне газету.

Я выхватил газету у него из рук, как голодный — хлеб, раскрыл ее. Сердце бешено колотится. Задышавшись, я смотрю туда, куда он показывает, но нет, никакой карикатуры нет.

— Где?

— Вот! — ответил Джемиль с любопытством и ткнул пальцем в страницу.

Я быстро прочитал: «Историческая рубрика»... «Старинные сокровищницы Юскюдара¹»... «Поэт Яхья Кемаль и Юскюдар»... Ниже маленькие заголовки: «Мечеть Рум Мехмет-Паша»... «Мечеть Ахмедие и общественный источник рядом с ней»... «Мечеть Шем-

¹ Юскюдар — район в азиатской части Стамбула.

си-Паша, при ней библиотека»... Затем палец Джемиля неловко опустился ниже, и я увидел: «Дом карликов в Юскюдаре!»

Кровь ударила мне в лицо. На одном дыхании я прочел:

«...Помимо вышеперечисленного, в Юскюдаре некогда находился и дом карликов. Этот дом, созданный не для обычных людей, а для лилипутов, ничем не отличался от обычных домов. Только размеры комнат, дверей, окон и лестницы были для карликов, а обычному человеку нужно было согнуться, чтобы войти. Согласно исследованиям искусствоведа, нашего учителя, профессора, доктора наук Сухейля Энвера, этот дом приказала построить супруга Султана Мехмеда III, мать Султана Ахмеда I¹, Хандан Султан, очень любившая своих карликов. Чрезмерная любовь этой женщины к своим карликам играет важную роль в истории султанского гарема. Хандан Султан пожелала, чтобы ее дорогие друзья, которых она так любила, после ее смерти жили вместе, в покое и без забот, и выполнить ее волю поручили главному придворному плотнику, мастеру Рамазану. Говорили, что его работа и резьба по дереву были столь совершенны, что дом прослыл маленьким шедевром. Но поскольку в записках Эвлии Челеби², посетившего в те же годы Юскюдар, об этом доме ничего не говорилось, мы вынуждены заметить, что достоверно неизвестно, существо-

¹ *Султан Мехмед III* (годы правления 1595–1603) — отец *Ахмеда I* (годы правления 1603–1617).

² *Эвлия Челеби* (1611–1682/1683) — османский путешественник, географ, писатель.

вал ли такой необычный, интересный дом на самом деле или нет. Даже если такой странный дом действительно существовал, то во время известного пожара 1642 года, когда выгорела большая часть Юскюдара, он, должно быть, был утрачен».

Я был потрясен тем, что прочел. У меня дрожали ноги, спина взмокла от пота.

— Не придавай значения, Реджеп! — сказал Джемиль. — Чего ты обращаешь внимание на этих негодяев?

Мне жутко хочется прочитать газету еще раз, но у меня нет сил. Я словно задыхаюсь. Газета выскользнула у меня из рук и упала на пол.

— Сядь ты, — сказал Джемиль. — Успокойся. Ты обиделся, расстроился. — Повернувшись к парням, он еще раз повторил: — Бессовестные!

Я, с трудом держась на ногах, тоже посмотрел на них и увидел, что они смотрят на меня с ехидным любопытством.

— Да, — промолвил я, — я расстроился. — Немного помолчал и послушал, что он мне говорит, а потом собрал все силы и сказал: — Но я расстроился не оттого, что я карлик. Я расстроился потому, что люди такие плохие, что могут смеяться над пятидесятишестилетним карликом.

Наступила тишина. Кажется, мои слова все услышали, даже те, кто играл в карты. Мы встретились взглядом с Невзатом. Интересно, он понял? Парни смотрят перед собой; наверное, им стало немного стыдно. У меня кружится голова, телевизор шумит.

— Бессовестные! — повторил Джемиль в пустоту. — Стой, Реджеп, куда ты? — позвал он.

Я не ответил. Качаясь, сделал несколько маленьких шагов — веселые огни кофейни остались у меня за спиной. Я опять на улице, в прохладной темной ночи.

Я не в состоянии идти, но, сделав над собой усилие, прошел еще несколько шагов, а затем сел на одну из тумб у края пирса. Я глубоко вдыхал чистый воздух, сердце все еще колотилось. Что делать? Вдалеке сияют огни баров и ресторанов; по деревьям развешены разноцветные фонарики, и под этими фонариками сидят люди, едят и беседуют друг с другом. Боже мой!..

Дверь кофейни открылась, и я услышал, как Джемиль зовет меня:

— Реджеп, Реджеп! Где ты?

Я не подал голоса. Он не увидел меня и пошел обратно.

Много времени спустя я услышал шум поезда на Анкару и поднялся. Должно быть, сейчас десять минут десятого. Я рассуждал так: разве все это — не просто слова? Разве все это — не облако звуков, что исчезнет, едва только образуется в пустоте? Я немного успокоился, но домой возвращаться не хочется, а больше делать нечего: пойду в кино. Я остыл, сердце забилося ровно, сейчас мне гораздо лучше. Я глубоко вздохнул и пошел.

Вот и кофейня осталась позади; там, конечно же, все давно забыли обо мне и о моих словах. Телевизор, естественно, шумит, а парни ищут, над кем бы еще посмеяться, если Джемиль их не прогнал. Я опять иду

по улице, здесь много народу, все поужинали и теперь гуляют, чтобы растряссти съеденное, пока не уселись перед телевизором или в баре. Они едят мороженое, разговаривают, здороваются друг с другом — женщины, их мужья, по вечерам возвращающиеся из Стамбула, и их что-то жующие дети; они узнают друг друга и снова здороваются. Я прошел мимо ресторанов, Измаила не видно. Может, билеты у него кончились и он сейчас поднимается к своему дому. Если бы вместо кино я пошел к нему, мы бы поболтали. Но, как всегда, об одном и том же.

На улице уже было очень много народу. Машины перед кафе и люди, по двое, по трое шагавшие по главной улице, мешали движению. Я в пиджаке и при галстуке, но находиться в такой толпе выше моих сил: я свернул в переулки. На тесных улочках, освещенных синим светом телевизоров, дети играют в прятки среди припаркованных машин. В детстве я думал, что мог бы хорошо играть в эту игру, но тогда я не мог найти в себе смелости присоединиться к ним, как Измаил. Но если бы мог играть, то спрятался бы лучше всех. Если здесь — то, например, среди развалин старинного постоянного двора, где, как говорила мама, когда-то была чума, а если в деревне — то в конюшне. И если бы я сам никогда не вышел, то посмотрели бы мы, над кем бы все смеялись. Мама-то меня искала бы, говорила: «Измаил, где твой старший братик?» — а Измаил шмыгал бы носом и отвечал бы: «Откуда я знаю», а в это время я слушал бы их и потом сказал бы: «Мама, я буду жить тайно, в одиночестве, никому не показываясь», — но мама вдруг начала бы так плакать, что

я сказал бы: «Ладно-ладно, мама, я выхожу, смотри, вот я, здесь, я больше не прячусь, мама», и мама спросила бы: «Почему ты прячешься, сынок?» — и я бы подумал, что, наверное, она права, — зачем прятаться, скрываться? И тут же забыл бы обо всем.

Я увидел их, когда быстро шагал по главной улице. Сыткы-бей возмужал, женился, рядом с ним его жена, у них даже есть ребенок — с меня ростом. Он узнал меня, улыбнулся, остановился.

— Здравствуй, Реджеп-эфенди, — сказал он. — Как у тебя дела?

Я всегда жду, пока со мной заговорят первыми.

— Здравствуйте, Сыткы-бей, — ответил я. — Спасибо, хорошо.

Мы с ним пожали друг другу руки, а с его женой — нет. Ребенок смотрел на меня испуганно, с любопытством.

— Милая, Реджеп-эфенди — один из самых старых жителей Дженнет-хисара¹.

Его жена, улыбаясь, кивнула. Я обрадовался — горжусь, что я старейший житель этого городка.

— Бабушка в порядке?

— Ох, — ответил я, — Госпожа жалуется на все!

— Столько лет прошло! — сказал он. — А где Фарук?

— Они завтра приедут, — сказал я.

Он повернулся к жене и начал рассказывать, что Фарук-бей — его друг детства. А потом мы, не пожав друг другу рук, а лишь на прощанье кивнув, расстались.

¹ *Дженнет-хисар* — маленький городок под Стамбулом.

Сейчас он, конечно же, рассказывает жене о своем детстве и обо мне: как я, когда они были маленькими, отвел их к колодцу и стал учить их ловить кефаль, и тогда ребенок спросит: «Папа, а почему этот человек такой маленький?» Я с давних пор отвечал на это: «Потому что его мама родила его незамужней». Сыткы женился. Фарук-бей тоже женился, но детей у них не было, а так как у моей мамы, наоборот, дети были, Госпожа отослала нас с мамой в деревню. Перед тем как отослать нас, она ругала и била нас с мамой своей тростью, а мама умоляла: «Перестаньте, Госпожа, дети-то в чем виноваты?» Мне иногда кажется, что я слышал эти слова в тот ужасный день...

Я пришел на ту улицу, где был кинотеатр, послушал музыку — перед фильмом всегда играют. Здесь всегда хорошее освещение. Я посмотрел на афиши: «Встретимся в раю». Старый фильм: Хюлья Коч-Йигит и Эдиз Хун¹ на первой фотографии обнимают друг друга, потом фотографии, где Эдиз в тюрьме, а Хюлья поет песню, но, не посмотрев фильм, невозможно понять, в какой последовательности все это происходит. Людям любопытно, и, наверное, об этом известно — потому и фотографии на улице вешают. Я пошел в кассу — пожалуйста, один билет, — кассир отрезал и протянул мне его — спасибо, — а еще я спросил: «Фильм хороший?»

Не видел, говорит. Бывает, мне ни с того ни с сего хочется с кем-нибудь поговорить. Я пошел, сел на свое место, стал ждать. Вскоре начался фильм.

¹ Хюлья Коч-Йигит и Эдиз Хун — известные турецкие киноактеры.

Сначала они познакомились, девушка — певица, он ей не нравится, но однажды парень спасает ее от плохих и начинает ей нравиться, и она понимает, что любит его, но ее отец против этой свадьбы. Потом парень попадает в тюрьму. Начался небольшой перерыв, но я остался сидеть и не пошел на улицу вместе со всеми. Потом фильм продолжился: девушка вышла замуж за владельца казино, но у них не было детей, и они ничего не предпринимали. Когда ее муж стал ходить к одной дурной женщине, а Эдиз сбежал из тюрьмы, они встретились в доме у моста через Босфор, и Хюлья Коч-Йигит спела песню. Когда я слушал эту песню, мне стало немного грустно. Потом, когда он решил избавить ее от плохого мужа, тот уже сам заслужил себе кару, и стало ясно, что теперь они могут пожениться. Ее отец с радостью смотрит им вслед, и они идут по дороге рука об руку, идут и идут, и постепенно становятся все меньше, и появляется слово КОНЕЦ.

Зажегся свет, мы вышли на улицу, все шепотом говорят о фильме. Я бы тоже хотел поговорить с кем-нибудь. Десять минут двенадцатого, Госпожа, конечно же, ждет, но домой мне не хочется.

Я пошел к дороге, спускавшейся к пляжу. Может быть, дежурит аптекарь Кемаль-бей, может, он не спит. Я его побеспокою, мы поговорим, расскажу ему обо всем, он задумчиво выслушает меня, глядя на парней в свете витрины закусочной напротив, споривших, у кого машина лучше. Увидев, что в аптеке горит свет, я обрадовался: он не спит. Я открыл дверь, зазвонил колокольчик. О господи, это не Кемаль-бей, а его жена.

— Здравствуйте, — сказал я, помедлив. — Мне нужен аспирин.

— Упаковка или штучно? — спросила она.

— Две штуки. Голова болит. Мне немного не по себе... Кемаль-бей... — говорю я, но она не слушает: берет ножницы, отрезает аспирин, дает таблетки мне. Я протягиваю ей деньги и спрашиваю: — Кемаль-бей утром был на рыбалке?

— Кемаль спит наверху.

Я взглянул на потолок. Он спит там, в полуметре от потолка. Проснись он, я бы все ему рассказал; может быть, он сказал бы что-нибудь о бессовестных парнях, а может, ничего бы не сказал, просто посмотрел бы задумчиво на улицу, а я бы говорил, мы бы разговаривали. Я взял сдачу, которую положила мне своей маленькой белой ручкой его жена. Затем сразу углубилась в журнал, лежавший на прилавке, — наверное, комикс. Красивая женщина! Я пожелал спокойной ночи, вышел, не мешая ей читать, — прозвенел колокольчик. Улицы опустели, дети, игравшие в прятки, разошлись по домам. Что делать, придется вернуться домой.

Притворив калитку, я увидел через ставни свет в комнате Госпожи: она не спит, пока я не лягу. Я вошел через кухонную дверь, запер ее на замок, побродил немного по кухне, и, когда стал медленно подниматься по лестнице, мне вдруг пришло в голову: интересно, а в том доме в Юскюдаре были лестницы? В какой же это было газете? Завтра пойду в бакалею и куплю этот номер, спрошу бакалейщика: «У тебя

есть „Терджуман“?¹ Наш Фарук-бей попросил, он историк, ему стало интересно, что там в исторической рубрике...» Я поднялся наверх, вошел к ней в комнату. Она лежала в постели.

— Я пришел, Госпожа, — сказал я.

— Молодец, — ответил она. — В конце концов ты зашел и домой.

— Что делать, фильм поздно кончился.

— Ты хорошо запер двери?

— Хорошо, — ответил я. — Вам что-нибудь нужно?

Я ложусь. А то потом меня разбудите.

— Они приезжают завтра, да?

— Да. Я постелил им постели и приготовил комнаты.

— Хорошо, — проговорила она. — Закрой мне дверь хорошенько.

Я вышел и закрыл дверь. Сразу лягу и усну. Я стал спускаться по лестнице.

¹ «Терджуман» («Переводчик») — крупная еженедельная турецкая газета.

Я слышу, как он спускается по лестнице — ступенька за ступенькой. Что он делает на улице до поздней ночи? Не думай об этом, Фатьма, иначе в голову полезут всякие гадости. Но все-таки любопытно. Интересно, хорошо ли запер двери коварный карлик? Ему же все равно! Сразу ляжет в кровать и проспится всю ночь, похрапывая, как истинный сын своей служанки-матери. Спи, карлик, спи беззаботным, беспечным сном слуги, спи, а ночь пусть достанется мне. Я не могу уснуть. Я думаю, что засну и забуду, но лишь жду сон и, пока жду, понимаю, что жду напрасно. Но жду.

Селяхаттин сказал бы, эта твоя бессонница — химическая проблема, сон — такое же явление, как и все остальные, и его можно познать, Фатьма, формулу сна однажды непременно откроют, как когда-то открыли формулу воды — H_2O . Естественно, откроют ее не наши увальни, а опять, как это ни печально, европейцы, и тогда никто не будет понапрасну ждать до утра, надев смешную пижаму и забравшись между этими бесполезными простынями и твоими смешными глупыми одеялами в цветочек, чтобы прошла усталость. Тогда нам будет достаточно накапать в стакан воды три капли из маленькой бутылочки и выпить, чтобы

стать совершенно свежими и полными жизни, словно мы только что проснулись. Ты можешь представить, Фатьма, что мы сможем сделать тогда за то время без сна, что достанется нам, ты можешь представить себе эти часы без сна?

Мне не нужно думать об этом, Селяхаттин, я знаю: я буду смотреть в потолок, буду смотреть на него и ждать, пока какая-нибудь мысль не захватит и не унесет меня отсюда, но сон так и не придет. Если бы я могла пить вино и раки, я бы, может быть, спала, как ты, но мне не нужен такой ужасный сон. Ты выпивал по две бутылки: я, Фатьма, пью не ради удовольствия, а чтобы прояснилось в голове и прошла усталость от работы над энциклопедией. А потом ты спал с открытым ртом и храпел, а я убегала, потому что мне был противен запах раки, которым несло у тебя изо рта, напоминавшего мне темный колодец, где лягушки совокупаются с пауками. Холодная, несчастная женщина, ты же бездушная, как камень! Выпила бы ты хоть рюмочку, может, поняла бы! Ну, Фатьма, давай выпей, пожалуйста, пей — я приказываю, ты что, не знаешь, что нужно слушаться своего мужа?! Вот, знаешь! Тебя так учили. Так что пей, я тебе приказываю. Пей, а грех я беру на себя, давай, Фатьма, пей, пусть твой разум станет свободным; ну-ка пей — твой муж тебя просит, давай, не бойся; о господи, эта женщина заставляет меня ее упрашивать, мне надоело это одиночество, да что тут такого, Фатьма, выпей рюмочку, или ты не слушаешься своего мужа?

Нет, не поддамся я лживой змее! Никогда я не пила. Только раз. Из любопытства. Когда никого не было.